

Ю.И.Ожередов

Томский государственный университет,
Музей археологии и этнографии Сибири
им. В.М. Флоринского (Россия)
E-mail: nohoister@gmail.com

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ОЛЕННОМ КАМНЕ ИЗ ХАР ГОВЬ. ДОПОЛНЕНИЕ К ИЗВЕСТНОМУ¹

В последнее десятилетие монголоведение обогатилось значительным числом археологических открытий инициировавших, в свою очередь, заметное увеличение числа публикаций. Наряду с работами общего характера, освещающими вопросы культурно-хронологического содержания, привлекают внимание исследования локальных тем и сюжетов. Следует отметить, что с расширением натурной поисковой работы и выявлением в ходе ее новых памятников заметно усилился интерес к статуарным произведениям Монголии, в числе которых особое место занимают оленные камни. Эпоха изучения последних знаменуется исследованиями В.В. Волкова, открывшего науке более 400 образцов такого типа памятников (Волков, 1981; 2002; Савинов, 2002). Но как показывает полевая практика, этим запас монгольских источников далеко не исчерпан. Более того, не исчерпан их информационный потенциал, который имеет разные формальные и смысловые слои.

На обширном исследовательском поле, в пределах которого располагается тема оленных камней, сосуществуют работы с макро- и микропроблематикой. Так, например, помимо изучения памятников в контексте их ареала бытования, хронологии, стиля, оружейного комплекса, знаков-тамг и других не менее важных вопросов, прозвучала тема изучения изображений животных, нанесенных на оленные камни (Савинов, 1994: 115-136; 2010). Безусловно, данная проблема не нова и в разных видах затрагивалась ранее, но узкоспециальные исследования, направленные на конкретные аспекты, привлекают внимание своей глубиной и обобщающей обстоятельностью ранее накопленного материала. Появление таких работ свидетельствует о том, что про-

блема стала представлять самостоятельный интерес и требует введение в оборот максимально полного корпуса источников.

Предмет настоящего сообщения основан на результатах знакомства с оленным камнем, открытым В.В. Волковым в высокогорной долине Хар говь. Целью полевого исследования была фиксация памятника в единой мировой системе координат и уточнение его индивидуальных характеристик. Настоящая публикация инициирована программой Института исследования Монгольского Алтая (МАСХ), предполагающей выявление, первичное обследование и географическую фиксацию археологических памятников для составления свода исторических памятников Западной Монголии. В ходе обследования на стеле обнаружены изображения, отсутствующие на прорисовке В.В. Волкова, но представляющие интерес в качестве жанровых и композиционных элементов.

Новые детали композиции удалось выявить с помощью приема, не традиционного для фиксации изображений на памятниках такого рода. Предшествующие работы по фиксации монументальной скульптуры (оленных камней и тюркских изваяний) показали, что большие преимущества по сравнению с прорисовкой, основанной на визуальном восприятии памятника, обнаруживает копирование изображений на микрокалент с последующей фотосъемкой. Точно так же, как это делается при фиксации петроглифов. Единственным отличием является то, что бумага часто наносится не на плоскую, а на выгнутую плоскость вкруговую. Метод оправдал себя уже в 1999 г., когда был впервые применен в ходе фиксации переиспользованного тюрками оленного

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН, проект 10-01-00620а/Г «Многообразие и единство кочевых культур Западной Монголии».

камня на р. Цалуу (Гобиалтайский аймак). Сложность здесь состояла в том, что на одной из широких сторон плиты оленные изображения перекрыл палимпсест в виде ростовой фигуры тюркского воина, а обратная сторона оказалась настолько сильно выглажена песком и ветром, что производила впечатление гладкой, чуть волнистой поверхности. Однако на копии удалось выявить не только остатки оленных изображений, скрытых под палимпсестом, но и всю картину летящих оленей на противоположной плоскости (Ожередов, 2003).

Нечто подобное произошло с оленным камнем в долина Хар говь (Ховдский аймак), в пространстве которой отмечено несколько археологических памятников. Наибольшее внимание среди них привлекает крупный одиночный керексур, располагающийся примерно в центральной части долины (46°52'277»; 91°59'103»; высота над уровнем океана 2482 м).

Первооткрыватель памятника В.В. Волков писал: «На границе Мунхайрхан и Муст сумынов в 6 км от 5 бригады последнего находится большой керексур с круглой оградой. С ним связаны два оленных камня: первый лежал на насыпи кургана, а второй стоял в 20 м южнее» (2002: 94). В публикации автора приводятся краткие описания изваяний и прорисовки изображений, нанесенных на их поверхность. В контексте данной работы интерес представляет оленный камень, расположенный за пределами насыпи керексура.

На момент копирования экспедицией был практически полностью использован запас микалента, в наличии имелся один лист, едва прикрывавший две трети одной из широких сторон камня. Бумаги хватало только для фиксации наиболее интересных рисунков. Но и здесь не обошлось без неприятности: внезапным порывом ветра, принесенным с гор, лист бумаги сорвало и разодрало в клочья. В результате на остатках бумаги удалось снять копии только с двух участков «на левой стороне» (рис. 1), где по описанию первооткрывателя были отмечены: «На левой стороне вверху — серьга-кольцо в виде дисковидного углубления с выпуклым валиком по краю, под ожерельем — диск-зеркало, крупное изображение лука в налучье, две маленькие фигурки лошади и кабана». (Волков, 2002: 94, табл. 105).

Уточним расположение фигур, несколько отличающееся от описания В.В. Волкова. На фото и

прорисовке отчетливо видно, что изобразительное поле разбито на три зоны, отделенные друг от друга поясами, не заполненными рисунками (рис. 1; рис. 2).

Изображения верхней зоны. Вверху под скошенной вершиной располагаются рельефный диск-серьга и сразу под ним слегка наклонная цепочка из овальных углублений, символизирующая ожерелье. Все остальные изображения соотносятся с центральной и нижней частями камня.

Изображения средней зоны. Примерно в 20 см ниже ожерелья слева сплошной выбивкой нанесен диск-зеркало, от уровня которого начинается контур лука в горите, оснащенный крупной подтреугольной подвеской у днища. Слева на горизонте изгиба контура, образованного линией горита и подвески, выбита обращенная влево фигурка лошади с «вытянутыми конечностями» и «копытами». Таким образом, три перечисленные фигуры (зеркало, лук, конь) занимают практически всю центральную зону изобразительной плоскости.

На прорисовке В.В. Волкова на голове лошади отмечена короткая черта, отходящая вверх и напоминающая ухо. Но на копии отчетливо проявилось изображение, напоминающее высокий, слегка расширяющийся вверх султан с зубчатой кромкой и короткими отростками вверх. Создается ощущение, что художник пытался отразить кромку волосяной «щетки». Сходные элементы конских «причесок» отмечены на изображениях пары лошадей в двухколесной запряжке с рельефа из Персеполя (по: Ковтун, 2008: рис. III–6).

Данное сходство наводит на размышления о возможности хронологической и культурной близости «монгольского» и персидских персонажей. Дополнительным аргументом для культурно-хронологического сближения изображения из Хар говь с периодом скифского господства является скульптурная рукоять с крупного медного котла скифского типа из собрания Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета (МАЭС. Колл. № 1290). Ручка отлита в форме коня стилистически сходного с монгольским образцом, а на его голове изображен аналогичный султан (рис. 3).

В контексте проведенного сравнения обнаруживается близость по двум направлениям. Во-первых, общее стилистическое сходство фигурок лошадей с котла и монгольской стелы, а во-вторых, идентичность «причесок» конских грив

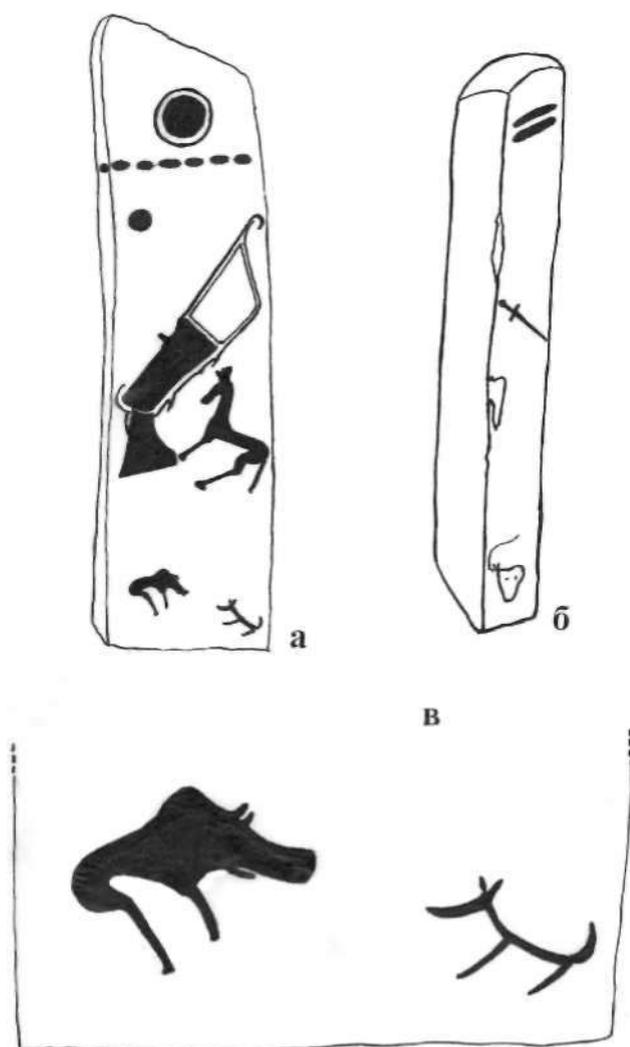

Рис. 1. Олений камень из долины Хар говь:
а — боковая плоскость; б — лицевая плоскость;
в — сцена с кабаном и собакой

Fig. 1. Deer stone from Har Gov valley:
a — side plane; b — front plane;
c — fragment with a boar and a dog

на трех упомянутых памятниках. На основании сказанного можно сделать предварительный вывод о культурно-хронологическом единстве указанных предметов исследования в пределах периода появления указанного выше рельефа из Персеполя и бытования скифских котлов. Учитывая, что время функционирования котлов скифского типа очень широкое, за условный ориентир примем период строительства Персеполя, растянувшийся с 518 приблизительно до 450 г. до н.э. (Медведская, 2004: 686). Эти крайние даты могут

стать опорными, от которых возможно одинаковое продвижение как вверх, так и вниз по хронологической шкале, если вдруг изображения коней указанного типа выходят за указанные пределы.

Предположительно именно с этим периодом может синхронизовать монгольское изображение. Полученные данные не противоречат гипотезе Д.Г. Савинова о бытовании всех оленных камней в I тыс. до н.э., (1994: 113; 2010: 119), но, возможно, потребуют уточнения пределов функционирования в рамках данного тысячелетия как для конкретных изваяний, так и для трех групп оленных камней, выделенных типологически. Такому выводу склоняет широта диапазона радиоуглеродных дат, полученных автором раскопок кересура в Хар говь А.А. Ковалевым, которая варьируется в границах 1200-750 г. до н.э.. При этом памятник Адууч 2/1, соотносимый с той же культурной традицией, что и Хар говь, датируется с более омоложенным хронологическим диапазоном — 800-360 г. до н.э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар. 2010. С.110). Последний не имея в своем составе оленных камней, служит неким хронологическим маркером для обитания культуры (или населения), обладавшей традицией сооружения подобных изваяний. Столь неоднозначная оценка близких памятников позволяет предположить вероятность омоложения лошади с оленного камня из Хар говь до времени персепольских коней или признать более раннее время появления конских причесок с султанами. А то, что наголовные украшения, воспринимаемые в качестве султанов, бытовали уже во II тыс. до н.э. свидетельствуют их изображения на египетских росписях и барельефах демонстрирующих батальные и охотничьи сцены. По доступным источникам конские головные украшения появляются, видимо, с XIX династии, то есть не ранее 14 в. до н.э. На изображениях предыдущей династии гривы без султанов. Интересно, что султаны имеются на лошадях только в запряжках фараонов. Это заметно, например, на рельефах изображающих битву при Кадеше (Карнак) и битву Рамсеса III с ливийцами (Мединет-абу) (История...рис. 143, 173, 180,183). На основании такой особенности следует предполагать, что султаны были особым знаком предводителя (сына бога) и таким образом, имели сильную сакральную окраску. Возможно эта традиция перешла в следующее тысячелетие и отложилась в культурах новых государств и конгломератов степных племен, контактировавших с этими

Рис. 2. Олений камень из долины Хар говь:
боковая плоскость

Fig. 2. Deer stone from Har Gov valley: side plane

государствами, перенимавшими у них символически значимые образцы, которые включались степными предводителями в собственную ритуальную номенклатуру. В этом случае лошади на оленном камне и на котле маркируют принадлежность к именам некоторых из таких персон.

Изображения нижней зоны. Нижние персонажи находятся близ поверхности почвы. Первооткрыватель, видимо, не выкапывал эту стелу, как он поступал с другими образцами (Волков, 2002: табл. 108; Ожередов, 2010: 257-264), поэтому контур изваяния не прорисован целиком, а снизу обозначены лишь условные границы сторон.

Фигуры нижнего горизонта нанесены примерно в 30 см ниже окончания задних конечностей коня. Выбивка, как и в других случаях, сплошная, выбранная полость гладкая. На прорисовке В.В. Волкова здесь отмечена обращенная влево фигура кабана в позе внезапной остановки. Однако, как показала копия, он не одинок (рис. 1). Напротив чуть ниже располагается профильная фигурка собаки, застывшей в позе пассивной атаки, которая заключается в дистанционном «облаивании» опасного объекта раздражителя (кабана) (рис. 4). Животное, вытянувшись всем корпусом и шеей вперед, слегка присело на задние лапы, показанные для этого чуть короче передних. Уши и хвост отмечены в вертикальной проекции, демонстрируя тем самым отвагу собаки, отсутствие проявлений боязни (прижатые уши, поджатый хвост).

Наличие собаки в данном сюжете объясняет позу кабана, остановленного ее атакой.

к семантике композиции. С семантической точки зрения зональность композиции на широкой плоскости позволяет предположить, что в ее структуре отражена троичная система строения вселенной. Во-первых, такая структура определена самим оленным камнем, символизирующем человека (мужчину воина), ассоциируемого с той же самой троичной системой. А во-вторых, образы, заполняющие зоны, семантически вполне соответствуют символам и обитателям верхнего божественного, среднего человеческого и нижнего хтонического миров.

Изображения на лицевой стороне. Помимо отмеченных на прорисовке В.В. Волкова двух наклонных полос и цепочки ожерелья (три лунки) вверх, а также кинжала на поясе, у основания имеются два сомкнувшихся (или один услож-

Рис. 3. Рукоятка скифского котла из Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета

Fig. 3. Te bar of Scythian cauldron, Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University

ненный) графических знака, требующих дополнительного изучения на месте. Они не копировались на микалент, а на фото выглядят в форме ликоподобного овала, сужающегося книзу, от которого вверх отходят три короткие линии и одна изогнутая длинная. Знаки достаточно четко отразились только на двух фотографии с боковым ракурсом, но по ним нет возможности идентифицировать обнаруженные изображения с полной уверенностью (рис. 1-6).

В заключение необходимо сказать несколько слов о повторных дублирующих обследованиях одних и тех же памятников разными исследователями, что повсеместно встречается в Монголии хотя бы по той причине, что нет достаточной информации о памятниках, их местонахождении, специфике и степени изученности.

Исследователи, вольно или невольно движущиеся по стопам своих предшественников и уже заведомо обогащенные запасом знаний полученных ранее, безусловно, находятся в более выигрышной ситуации. В отличие от первооткрывателей они способны рассматривать памятники с

позиций большей осведомленности, а, следовательно, и под другим углом зрения, в другом качестве, и таким образом, имеют шанс увидеть то, что ранее не было замечено. Особенно большие преимущества возникают с применением более совершенной фототехники и методов фиксации, которые ранее не использовались или использовались для других типов памятников.

На решение всех этих вопросов сейчас направлены совместные усилия монгольских и иностранных археологов — сотрудников Института исследования Монгольского Алтая, занятых составлением свода исторических памятников Западной Монголии.

Summary

Given article supplements and specifies information of V.V. Volkov about images on deer stone from highland valley Har Gov in West Mongolia. It's been ascertained, the composition of the wide plane of the stone is divided into three zones, perhaps, connected with the theory of three-parts structure of the world.

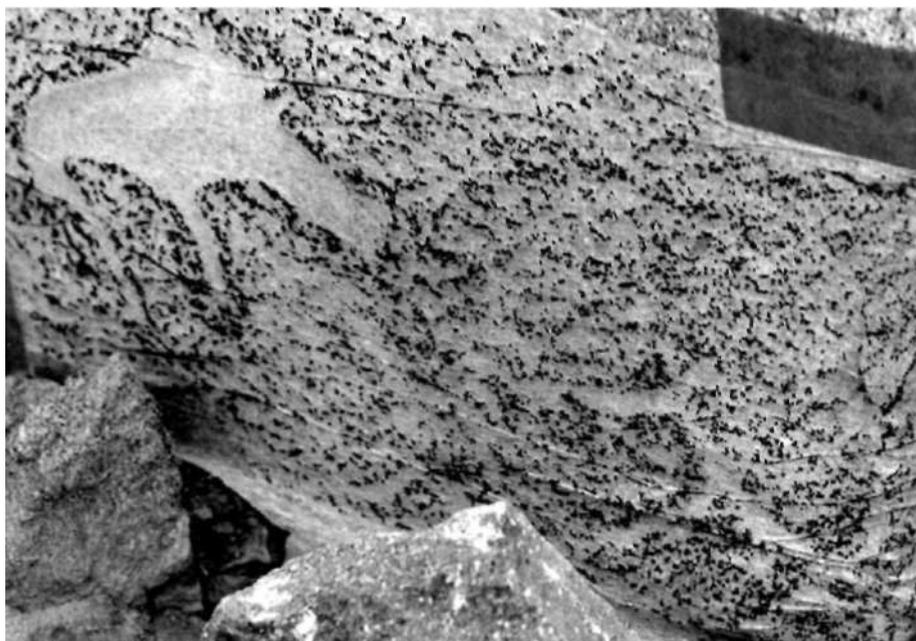

Рис. 4. Олений камень из долины Хар говь: сцена с кабаном и собакой

Fig. 4. Deer stone from Har Gov valley: fragment with a boar and a dog

In the bottom zone in front of the boar image we've discovered a dog attacking it, as well as head decoration, *sultan*, on the horse in central zone. On this basis we've establish the problem of diferent dating of deer stone from Har Gov valley.

Литература

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор. 1981.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 2002. 248 с.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.2. М. Вост. лит-ра, 1988. 623 с.

ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий международной Центрально-азиатской археологической экспедицией // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С.104-117.

ковтун А.В. Древнейшее скульптурное изображение лошадиных «причёсок» в Северной и Центральной Азии. // Тропюю тысячелетий: К юбилею М.А, Дэвлет. Кемерово. Кузбассвуиздат,

2008. С. 139-143.

Медведская И.Н. Ахеменидское искусство // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.: Вост. лит-ра, 2004. С.656-697.

Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с реки Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн.1. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. С.144-152.

Ожередов Ю.И. Древнетюркские изваяния в Завхане (К своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С.257-264.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1994. 209 с.

Савинов Д.Г. К переизданию книги В.В. Волкова «Оленные камни Монголии» // Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. С. 10-12.

Савинов Д.Г. Реалистические изображения животных на оленных камнях Монгольско-байкальского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С.118-125.